

Старшая госпожа Цзян и без того изо всех сил старалась, ломая голову над тем, как бы дать сыну возможность побыть с Е Нином наедине. Увы, кто же виноват, что Е Нин так привлекателен для всех: если Цзян Чансинь желал «выказать усердие», ему приходилось становиться в очередь.

В конце концов Е Нин не позволил никому себя провожать и сам, с коробками в руках, вышел из большого дома семьи Цзян. Он вовсе не был изнеженным созданием: руки и ноги при нём, дороги в деревне он уже хорошо знал, потому не нуждался в сопровождении. Идти одному было даже приятнее, спокойно и тихо.

Покинув северную окраину деревни, Е Нин ступил на круглый деревянный мост, покрытый сырой тиной. В этот момент с другого конца показались несколько силуэтов. Они не собирались переходить мост, напротив, выстроились в ряд, перегородив и без того узкий проход.

Вместе с Е Нином к мосту подошли и несколько крестьян; увидев такую картину, они тотчас развернулись и поспешили прочь, явно не желая ввязываться в неприятности.

Е Нин взглянул на мужчин, загораживавших дорогу: рослые, широкоплечие, с бугрящимися мышцами - по одному их виду было ясно, что явились они не с добром.

Лицо Е Нина не выразило ни малейших чувств; он спокойно произнёс:

— Будьте добры, посторонитесь.

На лицах здоровяков проступило презрение, один из них скривил губы:

— Ты и есть Нин-гер из семьи Е? Мы как раз тебя и ищем!

— Знаешь, кто мы такие? — другой выставил большой палец, указывая на себя.

Но гадать Е Нину не пришлось - они сами объявили:

— Мы люди семьи Чжоу! Специально пришли за тобой, Нин-гер!

Снова семья Чжоу.

Е Нин никак особенно не отреагировал, лишь спросил:

— И что вам нужно?

Здоровяки на мгновение опешили - по-видимому, они ожидали, что сумеют запугать «хрупкого гера», и потому почувствовали неловкость. Громко прокашлявшись, они грубо заявили:

— Из-за тебя старшего сына семьи Чжоу упекли в управу!

Е Нин чуть приподнял бровь и спокойно ответил:

— Правильнее сказать - из-за того, что старший сын семьи Чжоу совершал преступления. При чём здесь я?

— Ты... ты! — мужчины с досадой сплюнули. — Вот уж острый язык!

Они рассчитывали запугать Е Нина, но, потерпев неудачу, лишь стиснули зубы и неловко продолжили:

— Сейчас мы даём тебе шанс искупить вину! Пойдёшь и выступишь свидетелем, скажешь, что старший сын семьи Чжоу никого не домогался, а ночью был снаружи потому, что встречался с тобой под луной...

— Пф! — Е Нин не удержался и рассмеялся.

Обычно он держался холодно и отстранённо, ни к кому особенно не приближаясь; в нём чувствовалась отчуждённая прохлада, словно в прозрачной льдине - красивой, но колкой. Теперь же, когда он улыбнулся, лёд будто растаял, и эта улыбка оказалась удивительно светлой и притягательной. Сказать, что от неё можно потерять душу, было бы вовсе не преувеличением. Несколько мужчин на мгновение застыли, уставившись на него.

Е Нин спокойно произнёс:

— Вы, прислужники, разве сами не отдаёте себе отчёта, каков на вид ваш старший господин из семьи Чжоу? Кто захочет с ним встречаться под луной? Я ведь не слепой.

Мужчины снова остолбенели: прежде их поразила его красота, теперь же его слова.

Е Нин продолжил:

— Внешность человеку дают отец и мать, тут винить старшего сына семьи Чжоу не в чем. Но раз уж он сам лезет пугать людей, да ещё и не имеет ни капли самосознания, то пусть не пеняет, что я не стану щадить его гордость.

— Ты... ты... — мужчины наконец опомнились, поняв, что Е Нин открыто поносит их хозяина.

— Ах ты, острый на язык!

— Если выступишь свидетелем, семья Чжоу всё же даст тебе немного денег за молчание и за хлопоты. Но если не знаешь, как принять оказанную честь... хе-хе!

— С семьёй Цюань, такой знатной и влиятельной, нам, может, и не тягаться, но ты-то всего лишь гер! Подумай хорошенько: раздавить тебя, одного гера, для семьи Чжоу всё равно что раздавить крошечного муравья! Тогда и плакать тебе будет негде!

Е Нин лишь спокойно смотрел на них, выслушивая их нескончаемые угрозы, и ровно произнёс:

— Закончили? Если закончили, посторонитесь, вы загораживаете дорогу.

Мужчин уже не раз ставили в тупик его словами; теперь их лица налились багровым, и один из них, указывая на него пальцем, выкрикнул:

— Смотри, не отказывайся от предложенной чести!

Е Нин усмехнулся:

— Можно подумать, семья Чжоу невесть какая знать. В сущности вы всего лишь из тех, кто измывается над слабыми и заискивает перед сильными. Почему бы вам не пойти мириться с семьёй Цюань, а вместо этого вы явились ко мне?

Мужчины выпятили груди и животы, ничуть не смущаясь:

— Ну и что с того, что мы измываемся над слабыми и боимся сильных? Таков этот мир! Если сегодня ты не согласишься выступить за старшего сына семьи Чжоу, то дальше тебе не пройти... ай-я!!

Не договорив, он внезапно вскрикнул: его могучее тело качнулось, и с глухим всплеском он рухнул с круглого деревянного моста вниз. Крутясь, маленький камешек прокатился по краю мостика и, проскользнув в щель между досками, упал в реку. Мужчина свалился в воду. Глубина была невелика, но дно сплошь покрыто илом; стоило ступить - и он превратился в «грязевого духа», беспомощно барахтаясь и озираясь по сторонам:

— Кто?! Кто, чёрт побери, посмел напасть на этого дедушку?!

Е Нин тоже перевёл взгляд в сторону, откуда прилетел камешек, и его глаза чуть расширились. Цзян Чансинь?

В руке у Цзян Чансиня была рогатка; он всё ещё держал её, зацепив пальцем резинку. Заметив, что Е Нин смотрит на него, он тут же замахал рукой и расплылся в притворно глуповатой улыбке:

— Е Нин! Е Нин!

Е Нин ведь ясно сказал, что не нуждается в провожатых, однако Цзян Чансинь всё равно тайком последовал за ним. Из-за двух людей, лишённых всякого такта, он уже упустил возможность побыть с Е Нином наедине. Но едва Е Нин покинул дом, Юй Юань явился с докладом: семья Чжоу отправила нескольких головорезов и те затаились у круглого моста, намереваясь схватить Е Нина и вынудить его свидетельствовать в пользу Чжоу Даху, иначе на этот раз тому не избежать наказания.

Услышав это, Цзян Чансинь тотчас понял: вот он, выпавший шанс. Человек столь расчётливый и дальновидный никак не мог упустить подобной возможности.

Потому Цзян Чансинь незаметно последовал за Е Нином из дома семьи Цзян, намереваясь разыграть сцену «герой спасает красавца».

Он стремительно подошёл и встал перед Е Нином, заслонив его собой. Высокий, статный, с широкими плечами, он был на целую голову выше Е Нина; его взгляд упёрся в рослых мужчин, тяжёлый и пронзительный. Те, привыкшие измываться над слабыми и робеть перед сильными, прекрасно знали, кто перед ними. Это был единственный сын семьи Цзян, пусть и слышавший «не в своём уме», но всё же человек, которого задевать не следовало. И всё же... по какой-то причине взгляд Цзян Чансиня совсем не напоминал взгляд простака, скорее это был холодный взор хищного зверя, от которого невольно пробегал холодок.

Мужчины поспешно указали на Е Нина:

— Ты... ты ещё пожалеешь! Уходим!

И, бросив эти слова, тут же развернулись и пустились наутёк, даже не подумав помочь товарищу, барахтавшемуся в реке.

Цзян Чансинь повернулся к Е Нину. Ледяная «волчья» жёсткость мгновенно исчезла с его лица, уступив место простодушной, почти глуповатой мягкости - перед Е Нином он вновь выглядел не грозным зверем, а большой, нескладной, но добродушной собакой.

— Е Нин, не бойся! — сказал он, хлопнув себя по груди. — Я провожу тебя домой.

— Господин Цзян, зачем вы пришли? Не стоит, я и сам дойду, — спокойно ответил Е Нин.

— Но... — только и вымолвил Цзян Чансинь. Он опустил голову, уткнувшись подбородком в

собственную грудь, чуть надул губы, позволяя Е Нину без труда заметить его нарочито печальное выражение.

Е Нин ощутил, как у него неприятно зашевелилась кожа на затылке: это детское, обиженное «надувание губ» в сочетании с могучей, крепкой фигурой выглядело до крайности несоразмерно.

Утешать он не умел. В его глазах утративший ясность рассудка Цзян Чансинь мало чем отличался от ребёнка, и потому он, несколько смутившись, сказал:

— Тогда... прошу прощения за беспокойство. Буду признателен, если вы меня проводите.

Лицо Цзян Чансиня в тот же миг просветлело; от прежней «печали» не осталось и следа. Он энергично закивал:

— Угу! Е Нин, пойдём!

Так они вдвоём направились к дому семьи Е.

Вообще-то Е Нин вовсе не стремился туда возвращаться. Отец и мать Е не были ему родными по крови, да и с тех пор, как он оказался здесь, между ними не возникло подлинной близости. Более того, после того как семья Е позволила себе удерживать его взаперти, Е Нин окончательно утвердился в намерении порвать с ними всякую связь.

Раз уж рвать, так рвать окончательно; следовало разом высказать всё, разложить по полочкам и прояснить до конца, чтобы впредь не возникло лишних хлопот. К тому же лапшичная лавка семьи Е изначально принадлежала матери Е; она лишь по случаю передала её Е Нину. Теперь же он намеревался полностью выкупить её, и тогда, будет ли дело процветать или разорится, к семье Е это уже не будет иметь ни малейшего отношения. Сегодня он вернулся именно затем, чтобы поставить точку.

Ворота во двор семьи Е стояли открытыми. Когда Е Нин подошёл ближе, первым его заметил Е Чжу, однако не разглядел стоявшего позади Цзян Чансиня. Он тотчас задрал подбородок и, растягивая слова с язвительной насмешкой, крикнул в дом:

— Ай-я, отец, мать, скорей поглядите! Наш великий благодетель, Нин-гер, вернулся! Тот самый герой, что собственными руками отправил старшего сына семьи Чжоу за решётку, вернулся!

С самого утра люди семьи Чжоу явились к дому Е; не найдя там Е Нина, они и отправились подстергать его у круглого моста. Родители Е уже слышали, что их «будущий зять» на сей раз налетел на твёрдый камень: даже уездный судья не осмеливался перечить влиятельной семье Цюань из Цзяннани, а потому старшему сыну семьи Чжоу не избежать тюрьмы.

Родители Е только что, кланяясь и уверяя людей семьи Чжоу, что непременно уговорят Е Нина выступить свидетелем в их пользу, проводили их и теперь всё ещё тяжело вздыхали.

Едва услышав голос Е Чжу, оба вскочили на ноги и поспешили наружу. Отец Е с видом «сердце болит от того, что железо не стало сталью» (досадуя на непутёвого отпрыска) закричал:

— Нечестивец! Ты ещё смеешь возвращаться? Посмотри, что ты натворил!

Мать Е же разразилась причитаниями, словно оплакивая покойника:

— Ох, горе-то какое! Семья Чжоу - такой хороший дом для замужества, а тебе, видите ли, не по нраву! Мужчина есть мужчина! Где это видано, чтобы они не увлекались на стороне? После свадьбы образумится! Нужно было довести старшего сына семьи Чжоу до тюрьмы, да? За что мне такой бессердечный гер достался!

— Разве мы всё это делаем не ради твоего же блага?

— И ещё неизвестно, захочет ли старший сын семьи Чжоу взять тебя после того, как ты выступишь против него... — продолжала причитать мать Е.

Бормоча без умолку, она подошла к воротам и со скрипом распахнула полуприкрытую деревянную калитку, всё ещё не умолкая:

— Не хочешь в семью Чжоу? Не хочешь? Посмотри тогда, найдётся ли в нашей деревне хоть кто-нибудь, кто согласится взять в дом такого гера, что не способен рожать! Что, думаешь, сумеешь примазаться к семье Цзян и выйти за их молодого господина Цзян Чансиня?

Но едва калитка распахнулась настежь, её слова оборвались на полуслове.

Мать Е так и застыла, держась за створку, с открытым ртом и пылающим от смущения лицом; морщины у её глаз будто сплелись в тугой узел. Перед самым входом во двор стоял тот, чьё имя она только что легкомысленно произнесла, - молодой господин семьи Цзян, Цзян Чансинь.

Отец Е, опираясь на трость, подошёл следом; на его лице тоже отразилось неловкое смятение. Он дорожил своей репутацией и, даже считая Цзян Чансиня недалёким, всё равно стремился сохранить лицо, потому поспешно выдавил сухой смешок:

— Нин-гер, что же ты так неучтив? Пришёл гость, а ты и словом не обмолвился, чтобы мы...

Он не успел договорить.

Уголки губ Цзян Чансиня приподнялись, на лице расцвела простодушная улыбка, и он без всякого вступления произнёс:

— Я возьму.

— Что?.. — мать Е всё ещё лихорадочно искала способ сгладить неловкость и не сразу поняла, о чём речь, потому лишь растерянно переспросила.

Лицо Цзян Чансиня стало серьёзным. Он повернул голову и посмотрел прямо на Е Нина; на его тонких губах всё ещё теплилась улыбка, но в ней уже не было прежней наигранной глуповатости. Голос его прозвучал ниже и твёрже, когда он повторил:

— Я женюсь на Е Нине.

<http://bllate.org/book/15118/1423108>